

Донские казачьи части в обороне Грузии от нападений лезгин в 1801-1804 гг.

Во второй половине XVIII в. Грузии как единого государства не существовало. Она состояла из двух царств, собственно Грузинского царства (Карталино-Кахетинского) и Имеретинского, и трех княжеств-Гурии, Мингрелии и Сванетии. Это были феодальные государства, которые самостоятельно противостоять внешним врагам не могли. Все попытки укрепить централизованную власть и покончить с феодальной раздробленностью Грузии наталкивались на неизменное сопротивление и местных феодалов и соседних государств, которые были заинтересованы в дальнейшем ограблении Грузии.

В поисках выхода из затянувшегося кризиса и из того положения, в котором находилась Грузия, ставшая ареной постоянных разорительных набегов Персии и Турции, карталино-кахетинский царь Ираклий II обратился к Екатерине II с просьбой о покровительстве, соглашаясь на вассальную зависимость от русской царицы.

К 80-м годам XVIII века проблема усиления русского влияния в Грузии начинает приобретать для царизма все более актуальное значение. Россия была заинтересована не только в больших земельных богатствах Грузии, но и тем, что Грузия – это плацдарм для борьбы с Персией и Турцией. 24 июля 1783 года между Карталино-Кахетией и Россией был подписан договор, по которому Россия брала на себя гарантию целостности Карталино-Кахетии. Ираклий и его потомство признавались Россией карталино-кахетинскими царями. Все внутреннее управление, а также сбор податей оставались в руках Ираклия, но внешняя политика

всецело переходила к России. Кроме того, вступая на престол, карталино-кахетинский царь должен был извещать об этом русское правительство и испрашивать соответствующую грамоту.

Вслед за заключением договора в Тифлис были отправлены 2 русских батальона, пробывшие там вплоть до 1787г. Накануне второй русско-турецкой войны 1787-91 гг. русские отряды из Грузии были выведены. Грузия вновь осталась без защиты. Несмотря на неоднократные просьбы Ираклия, Екатерина, занятая войной с Турцией, разделом Польши и борьбой с революционной Францией, не нашла возможности прийти на помощь Грузии. Но как только борьба с Польшей закончилась, Екатерина отдала распоряжение снова направить в Грузию 2 батальона пехоты, положенных по договору.

Помощь, однако, запоздала. Персидские войска уже громили города и села Грузии и почти полностью разрушили Тифлис. Ираклию не оставалось ничего другого, как вновь обратиться за помощью к Екатерине, напомнив ей об обязательствах, взятых в 1783 году.

В 1796 году началась русско-персидская война. Посланные Екатериной войска под командою Валериана Зубова заняли все Каспийское побережье – Баку, Шемаху, Ганджу и, переправившись через реку Аракс, начали угрожать непосредственно Тегерану. После вступления на престол Павла Петровича дальнейшее продвижение русских войск было приостановлено и занятые ханства очищены.

Это было вызвано тем, что русское продвижение в Персию неизбежно столкнуло бы Россию с Англией. Между тем именно в этот момент шла деятельная подготовка к совместному выступлению против Франции, и Павел I был заинтересован в том, чтобы избежать каких-либо трений с английским правительством.

В начале 1798 года царь Ираклий умер, и престол перешел к его сыну Георгию XII. Одновременно с утверждением в 1799 г. в Петербурге Георгия царем карталино-кахетинским в Грузию был назначен русский министр-резидент и направлен отряд русских войск, состоящий из 17-го Егерского полка под командованием генерал-майора И.П.Лазарева, взятого по приказу Павла I из войск Кавказской линии. Вместе с полком, осенью 1799г., в Тифлис, для постоянного пребывания в Грузии в качестве полномочного министра, отправился и статский советник Коваленский. Он сосредоточил в своих руках все управление страной. Начальник русских войск в Грузии И.П.Лазарев в одном из своих писем сообщал: «Грузией фактически уже управляет Коваленский, который полностью овладел царем».¹ Русским правительством был взят курс на полное присоединение к России Карталино-Кахетии. Неизбежные при этом столкновения с Персией и Турцией не внушали теперь серьезных опасений, так как теперь не было необходимости идти на уступки Англии в целях сохранения антифранцузской коалиции, т.к. Павел Петрович коренным образом переменял общее направление русской политики, пойдя на союз с Францией и разрыв отношений с Англией, разочарованный поведением союзников в период Итальянского и Швейцарского походов А.В.Суворова и Средиземноморской экспедиции Черноморского флота под руководством Ф.Ф.Ушакова в 1799 году.

Георгий XII, опасаясь нового вторжения турок и персов, пошел на дальнейшее самоограничение своих прав. В обращении к Павлу Петровичу он просил об оставлении его царем и обязался за себя и своих наследников управлять «по тем законам, кои от высочайшего двора даны быть имеют. От себя же им без особого повеления никаких узаконений не вводить».² Все доходы Грузии Георгий предоставлял России, передавал ей все золотые и серебряные рудники. Единственная просьба Георгия XII

состояла в присылке 6 тыс. русских солдат для обеспечения Грузии от внешних врагов.³

В ноябре 1800 года просьба Георгия была рассмотрена в Коллегии иностранных дел и ее решения утверждены Павлом I. Добившись в Петербурге принципиального согласия на присоединение к России, грузинское посольство совместно с кабинетом Павла I приступило к разработке положения о Грузии. В нем наряду с мерами обеспечения внешней безопасности и установлению военной и гражданской администрации предусматривалось также сохранение грузинского царского престола. Павел I одобрил «просительные пункты» грузинского посольства, в том числе идею о сохранении престола за Георгием XII. Подготовленный в Петербурге манифест был обнародован тогда, когда скончался Георгий XII и был убит Павел I. Изменившаяся обстановка вынуждала вернуться к его обсуждению. В апреле 1801 года он дважды рассматривался на заседаниях Непременного комитета, в ходе которых выяснилось, что Грузии угрожает не только внешняя опасность и междоусобица, но и династические распри, особенно разгоревшиеся после смерти Георгия XII. Александр I поручил генералу Кноррингу представить доклад о политическом положении Грузии. Для этой цели К.Ф. Кнорринг 2-й и ездил в Грузию в 1801 году с целью выяснения согласия населения Грузии на вхождение в состав России.

С учетом донесений К.Ф. Кнорринга в Манифест были внесены поправки, предполагавшие упразднение царского престола в Грузии и введение там административного управления по образцу российских губерний. Именно такое присоединение Грузии, превращавшее ее в неотъемлемую часть Российской империи, предоставляло русскому правительству фактическое право на защиту грузинского населения от нависшей над ним внешней опасности и на урегулирование внутренних

неурядиц. Присоединение явилось объективным политическим итогом той обстановки, в которой оказалась Грузия в конце XVIII – начале XIX в., а не результатом «лицемерной» акции Александра I. Подобный ход событий не был неожиданностью для грузинского общества.⁴

В Манифесте от 12 сентября 1801 г. Александр I вторично объявил о присоединении Грузии к России, после Манифеста Павла I от 18 января 1801 года, и о лишении царствующей грузинской династии всяких прав на грузинский престол. Главнокомандующим русскими силами в Грузии был назначен генерал Кнорринг, а правителем Грузии – Коваленский. И.П.Лазарев входил теперь в непосредственное подчинение К.Ф. Кноррингу. Но самоуправные действия Коваленского и Кнорринга, грозившие вызвать восстание в Грузии, стали даже предметом обсуждения в Непременном комитете Александра I. Кочубей заявил царю, что «главнокомандующий войсками Кнорринг и управляющий гражданской частью Коваленский сеяли раздор между туземцами, чтобы удобнее их грабить». Однако Александр Павлович нашел, что хотя Кнорринг и «не имел больших способностей, но что, по-видимому, в его поступках не было ничего предосудительного».⁵ Как видим, тот шлейф преступлений, который за Кноррингом 2-м вился с Дона, Кавказской линии и других частей империи, где ему пришлось «руководить», сопутствует ему и на новом месте службы вместе с сотоварищем под стать ему – статским советником Коваленским. Но коль скоро государь смотрел на это благосклонно, их приходилось терпеть.

Это общий очерк того, как Грузия стала составной частью Российской империи. Конец XVIII – начало XIX в. для Грузии был «перевалом пограничным», восхождение на который осложнялось такими факторами, как «каджарская опасность» (персидские нападения – А.З.), турецкие притязания, экспансия горцев Большого Кавказа («лекианоба» –

нападения лезгин – А.З.), ежегодно уносившая тысячи жизней грузинских крестьян.⁶ Для Грузии не было других исторических перспектив, кроме присоединения к России. Но некоторые авторы увлекались в анализе прогрессивных последствий этого явления, заявляя: «...лезгинские феодалы обычно совершали нападения на грузин во время полевых работ, продавая затем пленников в рабство в Турцию и Крым... С момента присоединения Грузии к России она перестала быть объектом бесконечных набегов...»⁷ Это явное преувеличение, т.к. лезгины наоборот, с присоединением Грузии к России в 1801 г., усилили набеги на нее.⁸ Просто уместнее было сказать, что теперь у Восточной Грузии появилась более надежная защита в лице русских войск, которые не давали лезгинам свои набеги чинить безнаказанно. Но сами набеги, как таковые, продолжались!

В процессе присоединения Грузии к России участвовали не только прогрессивные, но и реакционные силы, отстаивавшие свои эгоистические цели. В конце XVIII – начале XIX в. реакционная роль в Грузии принадлежала многочисленным представителям царствующего дома, приносившим в жертву интересы нации ради династических амбиций, и грузинской феодально-княжеской знати, защищавшей свою «автономность» от центральной власти и тем тормозившей объединение страны. События, последовавшие за присоединением Грузии к России, подтвердили, как далеки были эти силы от понимания национальных интересов: царевичи Александр, Юлон и другие ... в начале XIX в. изменили политическим идеалам Ираклия II, предали забвению жестокую расправу шахской Персии над грузинским населением в 90-е годы XVIII в. и, превратившись в платных наемников Персии и Турции, открыто боролись против соотечественников.⁹ Они же натравливали лезгин с начала XIX в. совершать свои опустошительные набеги на Грузию, чтобы

еще более подорвать процесс стабилизации вхождения ее в состав России...

Донским казакам, входившим в состав русских войск, находившихся в Грузии, приходилось принимать активное участие в отражении этих набегов сразу с 1801 г., еще до второго объявления Александром I о вхождении Грузии в состав России, руководствуясь первым Манифестом, изданным еще при Павле I. Мы уже знаем, что донской полк Щедрова 2-го выступил с Кавказской линии в Грузию 15 мая.¹⁰ Причем, по утверждению Н.Ф.Дубровина вся русская конница в Грузии только и состояла из этого Донского полка.¹¹ Небольшое количество линейцев, находившееся здесь в 1800 г. и участвовавшее в сражении на р.Иори,¹² было возвращено на линию в том же году.

Полк Щедрова 2-го прибыл в Грузию в 1801 г. в составе тех самых 6 тыс.чел., о которых речь шла выше и которые были оговорены в договоре Павла I и Георгия XII. Войска эти прибывали в несколько приемов. Их прибытие в Грузию было как нельзя более кстати и способствовало наступлению стабильности в крае. Гренадерский Тучкова 2-го полк с 2 орудиями расположился в Гори, Сурами и Цхинвали. Занятие этих мест русскими заставило имеретинского царя Соломона распустить свои войска, собранные по первому слуху о том, что русские оставляют Грузию. Царь, подстрекаемый бежавшими царевичами, думал вторгнуться в нее и разорить Карталинию, но мысли царевичей остались невыполненными. Надежды их на реализацию своих планов еще более упали, когда, вслед за полком Тучкова 2-го, отправлены были мушкетерский полк Леонтьева и вместе с ним как раз казачий полк Щедрова 2-го, прибывшие в Грузию в мае месяце.

С прибытием последних полков в Грузию образовался отряд из одного гренадерского, двух мушкетерских, одного егерского и одного

казачьего полков с 18 орудиями.¹³ Это дало возможность обеспечить страну от внешних вторжений ее соседей. Один батальон мушкетеров был расположен в селениях, находящихся вниз по течению реки Алазань на расстоянии 15 км. от крепости Сигнаха. От крепости Карагача до реки Куры, протекающей против деревни Шикало, были расставлены казачьи пикеты полка Щедрова 2-го, которые имели задачу делать частые разъезды для подкрепления этой цепи мушкетеров, в случае прорыва лезгин. Другой батальон мушкетеров того же полка должен был занять линию по селениям от Марткоби до Кагабета и составить, таким образом, вторую цепь на этом участке границы.¹⁴

Такой сильный кордон признавался необходимым потому, что лезгины при своих вторжениях в Грузию по большей части переправлялись через р.Алазань ниже разрушенной крепости Караго (близ Сигнаха) и, следуя через ущелье, по которому протекает р.Чора, пробирались до разрушенной крепости Сагурома, которая стала их опорным пунктом. Отсюда они высылали отдельные отряды в Карталинию и прерывали сообщение от Душети до Мцхета. Но, ограничив возможность вторжения лезгин с одной стороны, все же нельзя было быть уверенным, что Грузия совершенно защищена от их набегов. Лезгины могли идти и другим путем. Переправляясь через Алазань и Куру, пройдя мимо владений Ганджинского и Эриванского ханов и пробравшись к Ахалциху, они все равно могли напасть на Карталинию и Кахетию. Расположив батальон пехоты с некоторым числом казаков по селениям Памбакской провинции, русское командование уничтожило и последнюю возможность лезгинам вторгнуться в Грузию.¹⁵ Этот же батальон мог служить и авангардом для действий против персидских войск Баба-хана, если бы последнему вздумалось угрожать интересам России.

Один гренадерский батальон был оставлен в Тифлисе, а другой расположен в Гори, отделив от себя по одной роте в крепости Сурами и Цхинвали. Этот пост был необходим как для наблюдения за пограничным населением, так и для защиты от грабежей и нападений, совершаемых здесь очень часто осетинами и имеретинцами.¹⁶

Осетины, находясь в подданстве у различных грузинских князей, совершали, как выражался И.П.Лазарев «всякие озорничества»: увозили людей, грабили проезжающих на Военно-Грузинской дороге. Подстрекаемые грузинскими царевичами, находившимися в Имеретии, они были уверены, что русские войска, находившиеся в данный момент в Грузии, скоро возвратятся на Кавказскую линию. Чтобы прекратить эти нападения, генерал И.П.Лазарев просил разрешения употребить против них силу оружия.

Второй вариант совершения нападений на Грузию длительное время был достаточно труден для лезгин, т.к. пашой в Ахалцихе был Сабуд-паша. Он был настроен дружественно к России и удерживал лезгин от грабительских набегов в Грузию, если узнавал о готовящемся вторжении. Но в 1801 г. турецкое правительство лишает его сана паши и изгоняет из Ахалциха. Это развязывало руки лезгинам для более широкого вторжения в пределы Грузии. В принципе, они их не переставали никогда делать, но теперь получили неограниченный простор для подготовки и совершения самих нападений. Так 29 мая 1801 г. партия лезгин ограбила грузинские селения на правом берегу Куры, недалеко от Тифлиса, захватив в плен 80 человек и отогнав 300 голов скота, а 6-го июня лезгины сделали нападение на казачий табун полка Щедрова 2-го и отогнали лошадей.¹⁷ Табун находился в районе местечка Марткоби. Преследуемые в обоих случаях казаками и мушкетерами, лезгины бросили свою добычу и пленных, которые вернулись в свои дома.¹⁸

Схватка за казачий табун у Марткоби была, по-видимому, крупным столкновением, т.к. упоминание о ней содержится в нескольких послужных списках офицеров. Так, у есаула Ивана Ивановича Сапухина значится: «801-го чрез Кавказские и снеговые горы в Грузию, и того года июня 6-го под местечком Марткоби при нападении лезгинами на полковой табун, при возврате которого и разбитии оных хищников в действительном сражении...»¹⁹ Эти же слова мы видим стоящими в формуляре хорунжего Василия Семеновича Турчанинова,²⁰ а также у самого войскового старшины Ивана Ивановича Щедрова 2-го.²¹ Нахождение у Марткоби самого командира полка говорит о том, что здесь находились главные силы донцов и поэтому быстро удалось организовать преследование лезгин и их разгром, вынудивший их оставить свои трофеи и спасаться бегством.

Находясь на службе и жаловании у Ахалцихского турецкого паши, лезгины из его владений стали все чаще нападать на Грузию. 20 июня было получено известие, что значительная партия лезгин вторглась для разорения деревень, лежащих на правом берегу Куры, около Ахалкалак. Командовавший войсками на границах Имеретии подполковник Ф.Ф.Симонович приказал одной роте своего полка двинуться из деревни Брети в Корели, а роте капитана Рейха из Гори в д.Досси. Взяв роту из Корели и роту 17-го Егерского полка майора Плеста, с бывшими при нем казаками и грузинскими ополченцами (всего 79 гренадеров, 48 егерей, 22 казака полка Щедрова 2-го и 100 грузин) Симонович, переправляясь через хребты гор Мамиулари и Гужарет, думал идти по следам лезгин, а капитану Рейху поручил наблюдение со стороны Ахалкалак.²² С 20 по 23 июня в схватках с этим отрядом лезгин принимала участие сотня полка Щедрова 2-го, под командованием есаула Клина Селивановича Кондрашова. Именно ее казаки отслеживали путь врага, давая знать Ф.Ф.Симоновичу о каждом движении лезгин.²³

22 июня Симонович прибыл с отрядом к разоренной грузинской деревне Згудери, перейдя реку Гужерет и миновав турецкую границу у оз.Бискури, он дошел до деревни Сапинсало. 24 июня, поднявшись выше деревни, он направил в авангард отряда 22 казака полка Щедрова 2-го во главе с командиром сотни есаулом К.С.Кондрашевым, которые встретили лезгин, возвращавшихся в Ахалциху.²⁴ Казаки вступили с горцами в перестрелку. Лезгин было 760 чел.²⁵ Не желая ввязываться в бой, лезгины потянулись к реке Кули. Симонович их сначала преследовал, но затем оставил и занял на большой дороге, ведущей через Триалетские поля, выгодное место. Отдохнув здесь, он двинулся через Кцию к высотам и дефиле Кохадшеби, где соединялись дороги в Тифлис, Манглиси, Мцхета, Ахалкалаки, Ховли и другие места. Движение это лезгины приняли за отступление и атаковали войска Симоновича, но были отбиты и прогнаны в Ахалцихские владения, в свой стан, находившийся в деревне Артаюрты, близ г.Хертвиса, где они содержали пленных грузин и скот.²⁶

8 и 10 августа лезгины снова вторглись в Грузию и, спустившись в урочище Хиоби, думали напасть на деревню Херцихиули, но казаки и мушкетеры их отбросили и преследовали до границы.²⁷

Хотя генерал-майор И.П.Лазарев и просил нового Ахалцихского пашу Шерифа запретить лезгинам набеги на территорию России, но тот, получая эти просьбы, издавал только разные запретительные распоряжения, а сам покупал у горцев пленных, снабжал лезгин продовольствием, делал их старшинам подарки. Лазареву же он отписывал, чтобы тот не пропускал лезгин через границу, добавляя, что лезгины из его пашалыка выгнаны, но часть из них нанял на свою службу Карский паша.²⁸

В то же время, нападая на границы России, лезгины пытались попасть и под покровительство Александра I. В сентябре 1801 года они

несколько раз обращались с просьбой о подданстве, а когда И.П.Лазарев стал объезжать границы Кахетии, прислали к нему с той же просьбой двух депутатов, прося Лазарева дать письменный ответ. Тот не согласился, но депутаты настаивали. Генерал написал им, требуя аманатов (заложников) в залог верности. Прочитав письмо, лезгинские старшины разорвали его, сожгли дома своих депутатов, одного из них убили и отказались исполнить требование Лазарева. Ожидая за это ответных шагов от русского командования, лезгины получили обещание поддержки от ханов Шушинского, Шемахинского и других и отправили большую часть своего имущества в Дагестан, а малую зарыв в земле, решились сопротивляться. Генерал Лазарев просил разрешения у К.Ф.Кнорринга двинуться в земли Джаро-Белоканских лезгин, чтобы нанести им удар в ответ на такую враждебную демонстрацию, тем более, что обильные снегопады в горах сделали их непроходимыми и лишили лезгин возможности получить откуда-нибудь обещанную помощь. Кнорринг же отклонил это предложение.²⁹

Видя, что набеги приносят лезгинам большую прибыль, турки, с согласия Шериф-паши, также стали принимать участие в их набегах на Карталинию. Император Александр I приказал передать требование Турции, чтобы она запретила Шерифу-паше это делать, а также разрешать лезгинам совершать набеги с территории Турции. Кноррингу же было предписано, в случае продолжения набегов, при любом приближении лезгин к границам, «делать возмездие в землях паши».³⁰

После поездки К.Ф.Кнорринга с целью выяснения отношения к вопросу о присоединении к России всего населения Грузии летом 1801 года он сделал новое размещение для находившихся там Кавказского гренадерского, Тифлисского мушкетерского, Кабардинского мушкетерского и 17-го Егерского полков. Донской казачий Щедрова 2-го

полк в августе 1801 г. разместили в тех же городах и местах, где стояли и прочие войска (Гори, Сурами, Цхинвали, Хошла, Манава, Борчали, Телави, Кварели, Шилде, Джиганах, Сокаби, Мошнаре, Онаги, Душети, Хорели, Парспане, Кору). Казаки были разбросаны небольшими партиями – от 10 до 40 человек – и употреблялись для различного рода посылок и сторожевой службы.³¹

К.Ф.Кнорринг уехал в Петербург и оттуда привез новый Манифест от 12 сентября 1801 года о вхождении Грузии в состав России. Это породило активизацию действий грузинских царевичей Александра, Теймураза, Давида, Вахтанга, Парнаоза, оставшихся ни с чем.

Подстрекаемые царевичами, жившими в Имеретии, поднялись на борьбу с русскими осетины, да так, что Кнорринг вынужден был послать против них войска. Это произошло в феврале 1802 г., а весь период с октября 1801 по январь 1802 г. был заполнен вторжениями осетин в Грузию и грабежами на Военно-Грузинской дороге. Нападения осетин были опасны тем, что прерывали всякую связь между Кавказской линией и Грузией, т.к. парализовывали Военно-Грузинскую дорогу. 3 февраля началось сосредоточение войск, предназначенных для экспедиции против осетин, живущих по Кавказскому хребту.³² Отряд составили две роты 17-го Егерского, три роты Кавказского гренадерского полков, два легких полевых орудия и 77 казаков полка Щедрова 2-го. Казаков возглавляли в этой операции два есаула: К.С.Кондрашев³³ и И.И.Сапухин.³⁴ Важность данной операции и породила такое количество офицеров с Дона, хотя для обычного ответного набега хватило бы и одного. Отряд сосредоточивался в с.Цхинвали. 19 февраля войска выступили оттуда и, отдохнув в урочище Суерисхеви, заняли деревню Джави. К осетинам были посланы парламентареры. Горцы, уstraшенные неожиданным приходом русских, ответили, что осетины, живущие по рекам Паце и Большой Лиахве

покоряются России. Симонович привел их к присяге, взял аманатов (заложников – А.З.) и оставил воинскую команду с оружием. Далее он двинулся по другим селениям и везде повторялось тоже.³⁵

Для лучшего удержания в подчинении осетин на будущее время Ф.Ф.Симонович учредил у них управление в форме гражданских судов и поставил их в зависимость от уездного суда и полицейской управы, находящихся в г.Гори. Суды эти были учреждены в деревнях Джави и Чриви. В первой – для жителей, населявших реки Пацу и Большую Лиахву, а во второй – реки Арагви и Малую Лиахву. Возвратившись в Сурами, Ф.Ф.Симонович привел с собой 13 человек аманатов от осетинского народа, который насчитывал тогда 35000 чел. обоего пола.³⁶

Мы видим здесь довольно слабое сопротивление осетин русскому военному давлению. Это замечают многие исследователи. М.М.Блиев прямо заявляет о причинах этого: «В отличие от ряда горных районов Большого Кавказа, в Осетии и Балкарии в XVIII в. господствовал феодальный общественный уклад, что, на наш взгляд, и сказалось на отношениях осетин и балкарцев с русской администрацией, которые не знали эволюционных изломов, присущих связям «вольных» обществ Северного Кавказа с Россией. Осетия, например, ...ориентируясь на Россию, рассчитывала прежде всего на переселение с гор на равнину. Получив равнинные земли, осетинские общества вступали в новую стадию развития феодализма. Это, однако, в противоположность Чечне, не сопровождалось переменами в их политическом курсе. Более того, часть ранее фрондировавшей с русскими властями феодальной верхушки (отстаивались привилегии на Военно-Грузинской дороге), получив земли на равнине, рассталась со своим сепаратизмом и полностью перешла на их сторону. Следует отметить, что наиболее надежную опору русских властей равнинной Осетии все-таки составили так называемые свободные

крестьяне (фарсаглаги) и феодальная знать. В равной мере рассчитывая на русское правительство, они в тоже время преследовали разные цели – крестьяне пытались оградить себя от притязаний верхов, феодалы домогались новых привилегий и средств закрепощения.»³⁷ В таком плане если изображать события, то и выступление на Военно-Грузинской дороге Ахмеда Дударука в Осетии Дигорской – не более как «легкая фронда» по отношению к русской администрации на Кавказе, но относительная легкость его подавления делает нас согласными с этой трактовкой М.М.Блиевым русско-осетинских отношений начала XIX в. Ситуацию, связанную с этим выступлением мы уже рассмотрели в предыдущей статье, но там подавили его войска, расквартированные на Кавказской линии и по Военно-Грузинской дороге, а данный сюжет о приведении осетин, проживающих по рекам Малой и Большой Лиахве, Арагви и Паце «к покорности» освещен в данной статье потому, что в этой операции принимали участие воинские части, расквартированные в Грузии, в том числе и Донской казачий полк Щедрова 2-го. Все же основной противник для войск, расположенных в Грузии, были лезгины, а осетины просто подвернулись под руку, ибо удар по этим осетинам целесообразнее было нанести из Грузии в силу географического их места проживания.

Лезгины же не давали о себе забыть в это время. Так 7 мая сотня есаула И.И.Сапухина вынуждена была отразить нападение на деревни Ховли и Хедистави, а затем преследовать отряд лезгин и нанести ему поражение.³⁸ Совершают свои нападения и те лезгины, которые двигались со стороны турецкой границы. 12 июля есаул К.С.Кондрашев участвовал со своими казаками на Триалетской степи у границы турецкой рядом с городом Ахалцихе и Джавахети в поиске против лезгин, возвращавшихся с удачного набега, производившимся отрядом русских войск у урочищ Годиан и Пчнавари, где у первого конному отряду врага было нанесено

серьезное поражение и он был отброшен за границу, а у второго, 13 июля, была разбита пешая партия лезгин, причем все они были уничтожены.³⁹

Уже 22 апреля 1802 г. для увеличения русской конницы в Грузии был наряжен и прибыл туда Донской казачий полк под командованием Петра Ивановича Тарасова 2-го.

Это благоприятно сказалось на ходе боевых действий, т.к. заслоны на пути лезгин стали более мощными. Однако каких-либо ярких событий за этот год в послужных списках офицеров и урядников этого полка не упоминается. То же самое мы видим и в послужных списках офицеров полка Василия Ивановича Ефремова 3-го. Единственное же, на что нам следует обратить внимание в связи с этим полком, это то, что в самом послужном списке войскового старшины Ефремова 3-го замечено, что в Грузию он попал с 25 августа, а до этого находился на Кавказской линии с 4 мая, т.е. почти 4 месяца,⁴⁰ а в послужных списках полкового квартирмейстера Макара Фирсовича Фирсова⁴¹ и капитана Якова Кондратьевича Церковникова⁴² и некоторых других, что в Грузии он находился сразу с 4 мая?! Естественнее, правильнее будет считать за истину данные, занесенные в формуляр командира полка.

Последний упоминаемый офицер, капитан Я.К.Церковников попал в щекотливое положение, оказавшись между двух полков, о чем сообщает П.И.Тарасов 2-й: «1802 года мая с 4-го в полку имени моего, расположенном в Грузии, находится в откомандировании с командою из 70-ти человек казаками, присоединен прошедшего года (1803-го – А.З.) со оными по повелению начальства к полку Ефремова 3-го, у коего находясь под командою с марта 2-го...»⁴³ В связи с чем было произведено это присоединение во вполне полнокровный, прибывший в Грузию позже других полк – неясно. Но из всего сообщенного выше следует, что активно в боевых действиях против лезгин и осетин в 1801-1802 г. участвует только

первый полк, появившийся в Грузии 15 мая 1801 г. Полки же Тарасова 2-го и Ефремова 3-го, прибыв сюда в апреле – августе 1802 г., занимали посты по грузино-лезгинской границе и отражали мелкие нападения горцев. Мы уже знаем, что вместе они составляли по прибытии на место около 1500 казаков, но так как они уже были подсчитаны в общем числе участвовавших в боях, то этого снова делать не стоит.

Из стоящих внимания событий конца 1802 года стоит выделить одно, которое кардинальным образом изменило ситуацию на Кавказской линии и в Грузии. До императора Александра I стали отовсюду доходить слухи о беспорядочном управлении Закавказским краем и Кавказской линией. Но главное теперь состояло в Грузии. Бестактные и корыстные поступки Коваленского окончательно ожесточили грузин, которые снова стали переходить на сторону царевичей. Не лучше себя вел и К.Ф.Кнорринг 2-й. Поэтому 8 сентября 1802 г. царским указом и Кнорринг и Коваленский были отозваны, а главнокомандующим в Грузию был назначен генерал-лейтенант Павел Дмитриевич Цицианов.⁴⁴ Он то и перевернул весь образ действий в борьбе с горцами в пользу России. Если Кнорринг в своих отношениях с горцами отличался скорее стремлением к заигрыванию с ними, нежели силовым методам, что в их глазах выглядело как слабость русского командования, почему, несмотря на все его старания, грабежи и нападения не прекращались, то П.Д.Цицианов, наоборот, стал активно применять силовое воздействие, что позволило ему достичь громадных успехов.

Человек энергичный, с твердою и непреклонною волею, князь П.Д.Цицианов решил обеспечить Грузию от внешних вторжений и восстановить в ней внутреннее спокойствие. Это дело он почитал важным в своей жизни, т.к. сам происходил из знатнейшей грузинской княжеской фамилии и находился в близком родстве с последним царствовавшим

домом Грузии.⁴⁵ Всего этого можно было достичь только прекращением интриг членов царской фамилии и удалением их навсегда из Грузии и окрестных территорий. Одни из них уже находились в Имеретии, другие, узнав, что Александр I дал согласие на разрешение отправить их в Россию, тоже бежали кто куда мог.

В Персию бежал старший царевич Александр. Те, которые находились в Имеретии у царя Соломона, вошли с Александром в соглашение и старались совместными усилиями восстановить население Восточной Грузии против России. Не ограничиваясь этим, царевич Александр призывал джаро-белоканских лезгин к вторжению в Грузию и нанесению по возможности наибольшего вреда той стране, которой он же собирался править и которая была его родиной. Он хотел убедить грузин, что Россия не в силах защитить Грузию от внешних врагов. По его просьбе и науськиванию лезгины непрерывно стали небольшими партиями вторгаться в разных местах в Грузию. Войска не могли уследить за каждым мелким отрядом неприятеля и поэтому П.Д.Цицианов приказал в местах лесистых и более подверженных неприятельскому вторжению устроить засеки шириною не менее сажени, а в местах открытых рыть волчьи ямы в три ряда в шахматном порядке.⁴⁶

Так как П.Д.Цицианов состоял в родственных отношениях с женой последнего царя Грузии Георгия XII, княжной Марией Цициановой, то выдворять царствующий дом в Россию ему пришлось именно с нее.⁴⁷ По родственному они между собой договорились, и Мария в начале 1803 г. отъехала в Россию. Но царевичи Александр, Юлон и Теймураз продолжали свою антирусскую деятельность.⁴⁸

В январе 1803 г. ожидали вторжения лезгин в крупных силах, но потом получены были сведения, что джаро-белоканские лезгины не тронутся, пока не получат ожидаемого ими подкрепления из Дагестана, и

что нападение произойдет не ранее весны, так как горы, покрытые снегом, представляли в это время года большое затруднение для движения войск, а в особенности конницы. О намерениях лезгин ходили самые противоречивые слухи, исправник, находящийся в Сингахе, доносил, что джарские старшины, соглашаясь войти в подданство России, выражали даже готовность выдать царевича Александра; воинский же начальник Сингаха подполковник Солениус, наоборот, сообщал о готовящемся джарцами нападении, а генерал-майор В.С.Гуляков доносил, что в Кахетию присланы от царевича Александра разные лица, подстрекавшие жителей к содействию лезгинам, и что многие из дворян и князей Кахетии бежали уже к царевичу в Белоканы.⁴⁹

Подогреваемые царевичами, лезгины наносят удары по границам Грузии, об одном из которых осталось упоминание в послужном списке хорунжего Семена Степановича Ефремова, служившего в полку Ефремова 3-го: «803-го февраля 22-го при разбитии неприятельской лезгинской партии, намеревавшейся впасть в Грузинские пределы, где и ранен пулею на вылет в правую щеку...»⁵⁰

Желая узнать, что же происходит у джаро-белоканских лезгин в действительности и воспрепятствовать ожидаемому от них вторжению в Грузию, князь П.Д.Цицианов поручил генерал-майору В.С.Гулякову сделать с отрядом движение к броду Урдо на реке Алазань и по пути движения избрать места для возведения редутов, которые могли бы затруднить лезгинам вторжение в Грузию. Этими мероприятиями думали возможным сделать перерезанным прямой путь в Ахалцихе и заставить лезгин делать объезды на Карагач.⁵¹

Джаро-Белоканские лезгины обитали за рекой Алазань. Именно они с давних пор разоряли Кахетию. В это время в 29 их селениях по течению реки насчитывалось 80000 домов. Из 29 селений 6 были главными,

имеющими вес среди всех прочих.⁵² Как видим, противник был довольно многочисленным, что существенно осложняло любую встречу с ним. В случае встречи с этими лезгинами и их поражения, Гуляков должен был следовать далее в их владения и потребовать, чтобы они выдали царевича Александра и согласились ввести в Джары и Белоканы русские гарнизоны.⁵³

2 марта 1803 г. генерал В.С.Гуляков двинулся в Джарскую область с отрядом, состоявшим из 3-х батальонов пехоты (1482 чел.), 8 орудий и двух сотен казаков. Если говорить более определенно, то казаки были следующих полков: Ефремова 3-го – штаб-офицеров – 3, обер-офицер – 1, урядников – 2, казаков – 100; Тарасова 2-го – штаб-офицеров – 2, обер-офицеров – 2, урядников – 2, казаков – 59; Щедрова 2-го – штаб-офицеров – 2, обер-офицер – 1, казаков – 20.⁵⁴ Сверх того, в составе отряда находилось 4500 человек кизыхских жителей, грузинских князей, дворян и крестьян. Офицеры отряда имели указание удерживать это ополчение от грабительства в лезгинских селениях, чтобы не возбуждать взаимной ненависти между лезгинами и грузинами и иметь возможность заключить с первыми хоть какое-нибудь соглашение.

Погода не благоприятствовала движению отряда. В.С.Гуляков доносил: «Со дня выступления моего с вверенным мне detaшаментам из города Сингаха, для впадения в Чарскую область (имеется ввиду Джарская, т.к. встречается два варианта написания этого названия – А.З.), по сие число (5 марта – А.З.) идет непрерывный дождь со снегом, почему и не мог я еще произвести никакого действия с неприятелем...»⁵⁵ Но несмотря на эти трудности, отряд совершал движение, приближаясь в реке Алазани. Первый ночлег был в урочище Кумбате, второй – на Куруше, а около полудня 4-го марта отряд сделал привал, не доходя 3 км. до брода Урдо. Отсюда генерал-майор В.С.Гуляков выслал полковника Дренякина,

служившего по квартирмейстерской части, «с некоторым числом Донского Войска Ефремова полка с казаками как с воинской стороны фланкерами, так же и жителями Грузии для усмотру по лесу ведущей дороги к броду Урдо, куда и прибыли, где было найдено на супротивной стороне лезгин, занимающихся деланием шанцов, и в двух местах уже сделанных больших сборных землянок с бойницами, а за оными стоящих большими партиями конных, с каковой стороны стали делать оружейными выстрелами сопротивление, а потому полковнику Дренякину не можно было въехать с казаками в Алазань, к узнанию ее грунту и глубины по въездам, имеющимся небольшим двум верхоконным тропкам...»⁵⁶

Огонь, который лезгины открыли по рекогносцирующему отряду, заставил генерал-майора Гулякова, взяв с привала один батальон Кабардинского полка, в котором он был шефом, и 3 орудия, грузинскую конницу и пехоту, подойти к броду Урдо и открыть огонь из орудий, которым удалось сделать следующее: «сборное место их (лезгин – А.З.) было разбито и зажжено, где по степному месту пеших и верхоконных лезгин не малое число было побито, а за всем тем остались лезгины из некоторых шанцов не выбитыми...»⁵⁷ Донесение В.С.Гулякова П.Д.Цицианову более соответствует действительности, сообщая, что лезгины «из некоторых шанцов остались не выбитыми», нежели изложение Н.Ф.Дубровина, который желая «потрафить» национальному чувству, заявил, что огонь из орудий «заставил лезгин отступить от брода».⁵⁸

На месте этих действий река Алазань протекала в крутых берегах, имея около 80 м. в ширину. Сильно разлившаяся от проливных дождей, она не представляла возможности перейти вброд для преследования отступавшего неприятеля. Казаки еще раз попробовали найти брод, «но при первом почти шаге лошадь стала на глубину входить, а на последок вплавь пошла, почему по таковым неудобностям и по наступлению вечера

решился возвращаться я (генерал В.С.Гуляков – А.З.) к своему стану для ночлега.»⁵⁹ Бой длился 2 часа и ограничился одной перестрелкой. Со стороны русских в ней было ранено 6 человек. Из грузин 1 убит и 5 ранено. Ранено было и 2 казачьих лошади, а среди самих казаков потерь не было.⁶⁰

В донесении В.С.Гулякова сказано, что казаки, которые были в отряде полковника Дренякина – это казаки полка Ефремова 3-го, но на самом деле третью часть из них составляли те самые казаки из полка Тарасова 2-го под командованием есаула Я.К.Церковникова (70 чел.), о которых речь была выше. Об этом свидетельствует и строки из послужного списка Я.К.Церковникова: «...со оными по повелению начальства к полку Ефремова 3-го, у коего находясь под командою с марта 2-го в следовании в лезгинские пределы; 4-го при встрече неприятелем на реке Алазани при урочище Урдо и выгнании его из укрепленных шанцев...»⁶¹ В этом бою непосредственно участвовал и сам командир полка войсковой старшина Василий Иванович Ефремов 3-й, по-видимому, командовавший всеми казаками из трех казачьих полков, состав которых был указан выше. Теперь в казачьих частях, находившихся в Грузии он становится старшим начальником для казаков, служащих на Алазани. Он же руководит казаками и в упомянутом уже бою 22 февраля 1803 г., при отражении лезгин на этой реке, когда мы характеризовали ситуацию в этом районе после начала 1803г.⁶² Его полк прибыл самым последним в 1802 г. с Дона, поэтому был самым полнокровным, в силу чего и попал на самое опасное в это время направление. Штаб-квартира полка Тарасова 2-го вообще была перенесена в Тифлис, а полк Щедрова 2-го прикрывал границы Грузии от набегов лезгин, пытавшихся проникать в нее со стороны Ахалциха. Однако и эти полки выделили от себя, по приказу командования, некоторую часть казаков, для помощи полку Ефремова 3-го. Как видим, это сыгдало

определенную роль в успехе ликвидации опасности со стороны джаро-белоканских лезгин...

Донцы проявили в бою 4 марта геройство, пытаясь дважды найти броды в Алазани у урочища Урдо, но из-за огня горцев и разлива реки сделать этого им не удалось. О том, что не все горцы были выбиты из укреплений, возведенных ими, свидетельствует и работа, написанная под редакцией генерала Г.А.Леера. Может быть именно из-за немецкой педантичности и пунктуальности он не написал, подыгрывая русскому патриотизму, что горцы полностью отступили от брода, а выразился следующим образом: «Огнем наших орудий землянка (в донесении у В.С.Гулякова их две – А.З.) была сожжена и неприятель принужден несколько отступить, но остался на противоположном бегеги реки в виду нашего отряда.»⁶³

Итак, ограничиваясь двухчасовой перестрелкой, В.С.Гуляков отошел к месту своего ночлега и оказался перед необходимостью искать другого места для переправы, тем более, что, по показаниям местных князей и жителей Кахетии, все находившиеся на левой стороне Алазани деревни были пусты, что делало движение с довольно значительным отрядом крайне неудобным. Послушавшись затем совета князей, говоривших, что самая лучшая переправа находится у селения Анаги, Гуляков хотя и двинулся по их подсказке, но скоро понял что был обманут.⁶⁴ «Поднявшись с лагеря при урочище Кабале, увидел я (В.С.Гуляков – А.З.) совсем противное, ибо дорога была весьма трудная, наполненная везде топкими болотами, густым лесом и притом переправа через три большие и тинистые реки; однако же расторопностию и усердием к службе по квартирмейстерской части господина полковника Дренякина все оные неудобства отвращены были, и я 8-го числа прибыл к реке Цениекеве, откуда, поднявшись с лагеря вместе с появлением зори,

следовал к Белокану.»⁶⁵ Войска, находившиеся в составе отряда В.С.Гулякова, состояли из двух батальонов Кабардинского полка, одного батальона Тифлисского и двух сотен казаков. Цицианов утром 8 марта ему приказал, переправившись через Алазань, только захватить селения, находившиеся на левом берегу реки, но не затевать боя за Джары или Белоканы, во избежание большого урона в людях.⁶⁶

Однако, когда генерал-майор Гуляков увидел, что селения, как ему и говорили местные жители, оказались пустыми, решил обойти неприятеля и двинуться прямо к Белоканам.⁶⁷ Подходя к этому селению, полковник Дренякин, в 6 км. от оставленного утром лагеря, заметил в чаще леса лезгинское укрепление, состоявшее из засеки, окруженное с обоих флангов топкими болотами и камышом, занимавшее площадь более 250 м². Обнаружил его Дренякин, продвигаясь по густому лесу, когда выслал вперед фланкеров (казаков полка Ефремова 3-го). Они и напоролись на него.⁶⁸

За укреплением было видно большое лезгинское войско, в которое входили не только джаро-белоканцы: «как захваченные в плен лезгины и князья свиты царевича удостоверяют, было при царевичах Александре и Теймуразе дагестанских, нухинских и со здешних лезгинских нижних деревень, более 10000 чел.»⁶⁹ То есть, мы видим, что ожидавшиеся ранее джаро-белоканцами подкрепления из Дагестана уже пришли и теперь они были готовы к нанесению удара, слухи о котором доходили до русского командования с начала года (см.выше – А.З). Здесь же были и грузинские царевичи Александр и Теймураз, вдохновлявшие горцев на готовящийся крупный набег. Ну, а то, что В.С Гуляков по своей инициативе повел свой отряд на Белоканы – сорвало замыслы!

После личного осмотра укрепления и знакомства с окружающей местностью, Василий Семенович, оставив для прикрытия вагенбурга

грузинскую конницу, отделил часть войск для обхода неприятельских флангов, а остальными атаковал неприятеля в лоб, прямо на центр укрепления. «Начальный огонь, доколь позволяло место, произведен был артиллериею, но когда чаща леса не позволяла ей действовать и уже придвинулись ближе к укреплению, открыта была ружейная пальба. Неприятель встретил нас сильным огнем, но храбростию российских войск, и силою штыков... лезгинское войско было выбито совершенно, опрокинуто нашею и частью Грузинскою пехотою, гнато было через все пространство леса и болота с невероятной скоростью; на чистом же поле, к Белоканам простирающемся почти на три версты, поражаемо было донскими казаками и с грузинскою конницею до самого селения, и рассыпано в разные стороны, к чему наш авангард со стрелками и грузинская пехота скоро подоспели, и неприятель совершенно выбит из Белокана.»⁷⁰

Лезгин в самих Белоканах было мало, что и обеспечило этот успех, ибо если бы обстоятельства были несколько иными, дело могло бы принять другой оборот: селение находилось на весьма труднодоступной местности и всякий почти дом его, окруженный каменною оградой, мог служить укреплением для упорной обороны горцев, но выбитые из укрепления в лесу и быстро преследуемые казаками и пехотой лезгины не успели занять селение и рассеялись в разные стороны.⁷¹ Часть русского отряда, состоящая из грузинской пехоты и конницы, ворвавшись в Белоканы, бросилась грабить дома, мстя лезгинам за разорение своих домов. Грузин никак нельзя было остановить и инструкции, данной офицерам отряда Гулякова князем Цициановым невозможно было выполнить. Мало того, грузины помимо того, что ограбили Белоканы, еще зажгли его и спалили до тла,⁷² причем так, что за исключением только некоторых каменных домов, обращены «в ничто совершенно.» Лезгины

отступали с такой поспешностью, что оставили на месте все вещи царевича Александра и даже его письма.⁷³

Пока грузины занимались грабежом, русская пехота и казаки были выведены за селение и построены в каре. Батальон Кабардинского полка, с майором Алексеевым во главе, двинулся вправо от Белокан, чтобы отрезать лезгинам отступление в горы, но смог настигнуть только их замыкающие отряды, которые были атакованы и понесли значительные потери.⁷⁴

В результате двухчасового боя, при взятии укрепления в лесу и самих Белокан русские потеряли убитыми 7 человек, раненых 33, из них казаков полков Ефремова и Тарасова 3 человека. У лезгин было отбито 6 знамен, убито 500 человек и взято в плен из свиты царевичей два князя: Никий Гургенидзе и Машреван Джорджадзе и лезгин 44 мужчины и 92 женщины.⁷⁵

Генерал-майор В.С.Гуляков просил П.Д.Цицианова представить к награждению отличившихся офицеров. Среди них «Донского казачьего полку полкового командира войскового старшину Ефремова 3-го, который с казаками и Грузинскою конницею в виде моем преследовал в тыл неприятеля по полю к Белоканам, поражая оного во множестве, и своею храбростию поощрал подчиненных к мужеству и поспешности...»⁷⁶ Были представлены и более низшие офицерские чины и урядники, о которых В.С.Гуляков выразился следующим образом: «Сверх сего имею честь Вашему Сиятельству представить на благоусмотрение нижеписанных офицеров и покорнейше донести, что хотя они и не имели случая оказать гласных подвигов, по усердию и рвению своему, кому где следовало, наблюдали должно порядок и достойны внимания... Донского казачьего Щедрова полку хорунжего Хныкина, и по рапорту войскового старшины Ефремова 3-го, бывших с ним впереди и оказавших отличную храбрость

его полку есаула Ефремова, урядников: Перфилова, Ефремова, Терентьева, полкового писаря Фролова...»⁷⁷

Если сам В.С.Гуляков в своем донесении П.Д.Цицианову подает дело так, что Белоканы были сожжены разбушевавшимися грузинами, которых невозможно было образумить, то В.А.Потто излагает более конкретно: «Белоканы были взяты без боя. Но так как жители бежали вслед за лезгинами, то Гуляков приказал обратить их в развалины...»⁷⁸ Интерпретация мотивов различна в связи с тем, что, очевидно, Гуляков хотел показать в своем донесении выполнение войсками указания Цицианова о лояльном поведении по отношению к лезгинам, чтобы иметь возможность заключить с ними соглашение, а В.А.Потто, описывая события уже через 80 лет после их совершения и обладая более мощным комплексом документов и воспоминаний, нашел указание на прямой приказ В.С.Гулякова о разрушении Белокан, но тоже выполненный «политично»: русские стояли за селением в каре, а грузины жгли и грабили. Такие явления в то время были общепринятыми в практике войны и не только на Кавказе, но и в Европе: жгли и французы, и англичане, и пруссаки, и австрийцы, и турки и другие народы. А сколько сожгли сами лезгины, подвергшиеся в этот раз ответной экспедиции русских войск! А предоставление права «ответить» тем же, что делали лезгины в их селениях, грузинам только подчеркивало справедливость возмездия!

После разгрома Белокан В.С.Гуляков повернул отряд на Джары, главное селение Джаро-Белоканского вольного лезгинского общества. На пути, между тем, расположились войска Нухинского хана, пришедшего на помощь к джарцам с двумя пушками. Мы видели нухинцев и в составе 10-тысячного войска лезгин, когда они защищали укрепление в лесу перед Белоканами. То были, очевидно, передовые отряды, пришедшие обозначить намерение хана идти на помощь. А это были главные силы

нухинцев. В.С. Гуляков готовился к упорному бою. Далее В.А.Потто пишет: «Но слух о разгроме Белоканов так быстро облетел окрестность, что едва передовые партии казаков появились у селения Катехи, как нухинцы ушли, и джарцы, покинутые своими союзниками, покорились.»⁷⁹

Ближайшим последствием успешных действий должно было быть, как мы помним, требование ввести в Джары и Белоканы русские гарнизоны. Теперь, воспользовавшись успехом, П.Д.Цицианов не хотел уже ограничиться этим, но поручил В.С. Гулякову требовать, чтобы лезгины присягнули на подданство России, а русские должны были обещать не касаться сферы их внутренних дел и системы управления, если они согласятся платить ту дань, которую платили царям грузинским. Джарцы же должны были выдать царевича Александра, которому обещано было прощение.⁸⁰

Хан Нухинский, не приняв участия в этих боях, решил помочь лезгинам хотя бы своим посредничеством при заключении договора с Россией. Джарцы известили генерала Гулякова о готовности вступить в подданство России. Пока шла подготовка к переговорам, царевич Александр, боясь, что лезгины исполнят требования Цицианова относительно его самого, бежал в Карабаг. В силу того, что лезгины сами запросили мира, Цицианов через Гулякова передал им следующие требования, которые им были затем изложены и в рапорте царю: «Требования мои и мирные условия заключают пять статей: первое – поелику царевич Александр ушел в Карабаг, то не впускать его в Чары и Белоканы; второе – в обоих городах оставить российские гарнизоны; третье – платить дань шелком, какую прежде платили царям грузинским; четвертое – дать из почетных жителей несколько аманатов; пятое – обещаю не входить во внутреннее управление вольного их общества, которое остается при всех своих правах и преимуществах.»⁸¹

Джарцы не согласились исполнить этих требований и генерал-майор Гуляков двинулся к селению Джары. 27 марта отряд занял селение Катехи, а 29-го и сами Джары без всякого сопротивления со стороны жителей, которые проявили полную покорность, просили помилования и согласились на все, что им укажут. Депутаты от общества были отправлены в Тифлис к князю П.Д.Цицианову, который и заключил с ними мирный договор на предъявленных ранее условиях. Было уточнено, что джаро-белоканцы обязаны были платить ежегодно дань из 220 пудов щелка.⁸²

Зная характер горских народов, всегда вероломных и готовых нарушить заключенные условия при первом удобном случае, П.Д.Цицианов для обеспечения Грузии от дальнейших набегов приступил к возведению на реке Алазань, при броде Урдо, редута, который было поручено возвести генералу Гулякову еще при начале экспедиции, и протянул посты из казаков и пехоты вверх и вниз по реке.⁸³ Возведенный редут получил название «Александровского редута на Алазани». В нем предполагалось оставить батальон Кавказского гренадерского полка «для надзирания за поведением вольных обществ джарских».⁸⁴

При взятии Джар В.С. Гуляков поступил прямо противоположно тому как было сделано в Белоканах. Он употребил всю строгость военной дисциплины для воздержания грузин от грабительства, и Джары остались не только неприкосновенными, но, для привлечения к себе симпатий горцев и большей их доверенности к русским, Гуляков оставил селение и 31 марта возвратился к броду Урдо, где к этому времени полковник Дренякин устроил благоустроенную переправу через Алазань. Все это действительно обеспечило изменение отношения джарцев к русским властям и убыстрение подписания соглашения с Россией.⁸⁵

Об этих событиях в послужном списке В.И.Ефремова 3-го говорится следующее: «с 27-го по 29-е (марта – А.З.) пройдя многие деревни Чарской области и до сего города при покорении их в российское подданство, апреля 28-го при приводе Чарской и Белоканской областей лезгинов на верноподданство всероссийскому престолу к присяге...»⁸⁶ То же самое значит и в формуляре хорунжего С.С.Ефремова,⁸⁷ капитана Я.К.Церковникова,⁸⁸ полкового квартирмистра полка Ефремова 3-го М.Ф.Фирсова.⁸⁹ Все это доказывает нам, что само приведение к присяге затянулось на целый месяц, завершившись лишь 28 апреля, и что в этой акции принимали участие донские казаки полков Ефремова 3-го и Тарасова 2-го. Была ли задействована в этой акции небольшая группа казаков полка Щедрова 2-го, или же она была оставлена для охраны переправы у урочища Урдо, установить трудно, т.к. эти события не отображены в послужных списках офицеров полка Щедрова 2-го.

Однако было ясно, что данная джаро-белоканцами присяга – временная. Преданность их и вступление в подданство России могли иметь место только до благоприятного и удобного для них случая, точно так же как одна неудача под Белоканами заставила их без большого сопротивления согласиться на принятие подданства. Как легко джарцы согласились принять все предъявленные им условия, так легко и скоро они их через два месяца нарушили. Как заявил Н.Ф.Дубровин «здесь убеждение и сознание в необходимости такого подданства не имели места; здесь была только одна азиатская хитрость и предательство.»⁹⁰

Поражение, нанесенное лезгинам, все еще не обеспечивало вполне Грузию от хищнических набегов, тем более, что продолжавшиеся интриги грузинских царевичей простирались далеко за ее пределы. Интриги эти не ограничивались натравливанием на русские границы одних горских племен, но пытались поднять и владетелей Имеретии и Мингрелии.

Цицианов потребовал удаления царевичей с их территории и добился своего, и, мало того, при помощи одних переговоров присоединил к России Мингрелию, которая высочайшей грамотой 4 июля 1803 года была принята в подданство царя Александра I.

Бежавшим грузинским царевичам пришлось покинуть Имеретию и искать помощи у соседних персидских ханов. Одним из первых их принял Джеват-хан Гаджинский, явный враг России, опасавшийся лишиться своей независимости. Он принял царевича Александра и содействовал распространению по Грузии его писем и сам писал ко всем ханам, приглашая их оказать помощь детям царя Ираклия II в освобождении Грузии от власти русских. Требование П.Д.Цицианова, чтобы Джеват-хан прекратил интриги и не вмешивался в чужие дела не увенчались успехом и тогда главнокомандующий на Кавказе решился силой заставить хана исполнить то, чего он не хотел делать по его просьбе. Недостаток войск в Грузии и невозможность усилить боевые средства князя Цицианова присылкой новых полков из России, заставляли последнего изворачиваться теми средствами, которые он имел в своем распоряжении. Девять батальонов занимали гарнизоны в различных пунктах и не могли быть задействованы в полевых действиях войск. С незанятыми же войсками можно было только производить поиски против лезгин и Джеват-хана. На большее сил не хватало!

Шефу Кабардинского мушкетерского полка, генерал-майору В.С. Гулякову, так успешно действовавшему в Джарской области, приказано было с тремя батальонами вверенного ему полка двинуться в земли сопредельных с джарцами самурских беков, подчинить их России, обложить их данью, такой же, какой была обложена Джарская провинция. Одновременно с этим ему поручалось отыскать удобное место для переправы через реку Куру, которая, начиная от Тифлиса, имела весьма

крутые берега и требовала заблаговременного приготовления переправы. Установив прочную переправу с левого берега, сам Цицианов думал двинуться по правому берегу из Шамшадилы, чтобы атаковать непосредственно Ганжу, чтобы покончить с Джебват-ханом. Для проведения этой операции он приказал двум полкам: Нарвскому драгунскому и 9-му Егерскому двинуться с Кавказской линии в Грузию.⁹¹

Но когда войска были готовы уже к движению на Ганжу, П.Д.Цицианов был задержан на некоторое время лезгинами, появившимися со стороны Карталинии. Это было то самое направление, которое лезгины использовали со стороны Ахалцыха и Турции при невозможности атаковать Грузию по течению реки Алазани. Такая невозможность действиями отряда В.С. Гулякова в марте 1803 года была для них создана, а это толкнуло их к нападениям с другого места. Хотя для охраны от набегов лезгин Цицианов поручил предводителям горийского и душетского дворянства собрать стражу из местных жителей, но эта стража оказалась недостаточно бдительной. Занимавший здесь кордоны Донской казачий Щедрова 2-го полк был разбросан по границе мелкими частями и тоже мало что мог сделать.

Приказание Цицианова очистить и сделать удобнопоезжаемую дорогу, идущую от Гори до Цалки, для свободной доставки провианта в Цалку для продовольствия Кавказского гренадерского батальона, который должен был там расположиться, было поводом к столкновению с лезгинами, ворвавшимся в Грузию со стороны Ахалцыха. Отправленный для очистки этого пути капитан – исправник Енохин, с командой из 108 рабочих грузин, 10 егерей и 9 казаков полка Щедрова 2-го был атакован 12 июня лезгинами в 20 км. от селения Цалки. Команда рабочих была рассеяна, а сам Енохин, спасшийся с 6 донскими казаками и проскакавший в три часа 70 км., дал знать о нападении в тот же день, в 10 часов вечера,

полковнику Цеханскому, указав, что лезгины идут правым берегом Куры, вверх по течению к деревне Ховли.

В ту же ночь из города Гори был послан отряд из двух унтер-офицеров, 30 рядовых и 10 казаков полка Щедрова 2-го под командованием штабс-капитана Борднова. Переправясь через Куру на турлуках или надутых мехах, отряд не отошел и 3 км., как полковник Цеханский получил известие, что тот же самый отряд лезгин, миновав селение Ховли, перешел уже к селению Карели, где находилась одна рота русской пехоты. Не имея больше в своем распоряжении людей, свободных от караулов, чтобы из них составить другой отряд, полковник Цеханский возвратил отряд штабс-капитана Борднова, приказав ему следовать к селению Карели. Сам же с пятью донскими казаками поскакал к тому же селению левым берегом Куры и, переправившись через нее вплавь против селения Карели, обнаружил, что бой с русской ротой лезгины уже завершили.

Командир этой роты, капитан Секерин, видя, что лезгины отбили скот, принадлежавший жителям Карели, не зная о многочисленности неприятеля, решил преследовать его. У Секерина недоставало той сдержанности начальника, который действует в местах лесистых, гористых, т.е. где местность на каждом шагу может скрыть неприятеля. Излишнее увлечение в таких случаях всегда пагубно – так было и теперь! Пройдя со своей ротой, в которой было только 44 человека и 15 донских казаков полка Щедрова 2-го для поддержки, не более 7 км. от селения, Секерин был окружен со всех сторон лезгинами и при первом неприятельском выстреле ранен. Принявший командование поручик Регульский 2-й, используя складки местности, дрался отчаянно и два раза отбивал лезгин к лесу. Но при втором отражении врага он повторил ошибку Секерина, стал преследовать врага, двинулся вперед и, после 3-х

часового боя, был убит. Солдаты потеряв всех офицеров, остались на месте, перед лесом, уже расстроенными своей атакой и вместе с казаками, в количестве 35 человек были перебиты.⁹² На месте гибели героической роты капитана Секерина и 15 донских казаков в начале XX в., по инициативе генерал-майора В.А.Потто, был поставлен памятник, увековечивший героический подвиг горстки русских воинов, задержавших ценой своей жизни запланированное лезгинами вторжение.

После этого боя лезгины двинулись обратно к Ахалцыхе. Князь П.Д. Цицианов назначил генерал-майора князя Орбелиани начальником кордона от Сурами до Цалки и приказал ему, вызвав и собрав охотников из князей и дворян грузинских, преследовать лезгин и непременно выбить из пределов Грузии. В то же время Цицианов послал письмо Реджиб-паше Ахалцыхскому, через владения которого прошли лезгины, в котором предлагал не пропускать больше их, если не желает порвать отношений личных и не порвать межгосударственных между Россией и Турцией. Генерал-майор князь Орбелиани, соединив 9 рот 9-го Егерского полка, 2 роты Кавказского гренадерского и 135 казаков полка Щедрова 2-го с 14 орудиями, преследовал лезгин, ворвавшихся в границы Верхней Карталинии, вместе с ними зашел в пределы Ахалцыхского пашалыка, и 3 июля остановился лагерем у озера Табискури. Отсюда он отправил письмо к Реджиб-паше, требуя его содействия к изгнанию лезгин из Ахалцыхского пашалыка. Паша отвечал, что он готов исполнить просьбу, если русские войска оставят ахалцыхские пределы и возвратятся обратно в Карталинию. Генерал-майор князь Орбелиани отступил и остановился лагерем при Цра-Цкаро, в границах Грузии, и там ожидал исполнения обещаний Реджиб-паши Ахалцыхского.⁹³

Отражая нападение лезгин со стороны Ахалцыхе, приходилось в тоже время отражать их и со стороны Дагестана, т.к. джарцы, хотя и не

принимали личного участия в этом нападении, но нарушили заключенное с ними условие. Лезгинская партия в 1000 человек, пройдя со стороны Дагестана между селениями Джары и Катехи, 9 июля, в 2 часа дня, переправилась чрез реку Алазань в скрытом месте, в 6 км. ниже лагеря Тифлисского батальона, и прокравшись лесом и камышами, напала на передовой пикет Кабардинского мушкетерского полка, бывший в количестве 20 чел. под командованием унтер-офицера. Встретив сильное сопротивление, горцы разделились на две части: одна возвратилась обратно за Алазань, а другая, состоящая из наиболее доброконных, численностью до 300 чел. напала на табун того же Кабардинского полка, но также была встречена ружейными выстрелами и упорным сопротивлением команды, прикрывавшей табун.⁹⁴

Лезгины, видя и тут свою неудачу, бросились сначала на табун Тифлисского батальона, а потом напали на пасшийся недалеко от него казачий табун Донского Ефремова 3-го полка. Рапорт генерала В.С. Гулякова Цицианову от 9 июля об этом сообщает: "Хотя же и здесь прикрывавшею конною казачьею командою, в числе тридцати казаков состоящею, при хорунжем Кутейникове, была отражаема (партия лезгин - А.З.), но как табун от сильных ружейных выстрелов с обеих сторон и от гику хищников всполошился и ударился в бег в путь хищнический, то таким образом не могли оного казаки удержать, и сим случаем хищники воспользовались так, что часть оных табун кругом обскакала и гнала до переправы, а большая часть последовала за оною ж, и стала отражать казаков, которые не могли своих лошадей отбить, и хищники весь сей табун угнали на ту сторону Алазани.»⁹⁵

Генерал-майор Гуляков, узнавший о нападении лезгин, "послал в тоже время войскового старшину Ефремова с резервными, при лагере состоявшими, и бекетными конными казаками, преследовать тех хищ-

ников, но за неблизким от лагеря расстоянием, за скорою и удобною их переправою, состоявшеюся от лагеря верстах в девяти, чрез Алазань, в густоту леса, достичь не могли... Со стороны хищников на месте убитых двенадцать человек и довольное число раненых. Лошадей всех угнано двести одиннадцать, в числе коих команды полку Тарасова шестьдесят пять (имеется в виду тех казаков, которые были прикомандированы к полку Ефремова 3-го - А.З.); затем осталось в полку и в команде строевых и подъемных только 62 лошади.»⁹⁶

Это вторжение лезгин ясно указывало, что джарцы не думали исполнять заключенных в апреле условий, по которым они обязывались не пропускать в пределы Грузии «хищников» из Дагестана. Князь П.Д. Цицианов приказал генерал-майору В.С. Гулякову собрать из селений Джар и Катехи старшин, прочесть постановление, заключенное с ними в апреле, и заявить им, что за нарушение договора и присяги на подданство России их аманаты, отданные русским властям по условиям этого договора, будут прогнаны сквозь строй, если за отбитых горцами казачьих лошадей не будут заплачены деньги.⁹⁷ Цицианов писал царю, что «части казакам Ефремова 3-го полку по малоимению оставшихся во оном лошадей, позволил я отправиться при офицере на Кавказскую линию, для покупки лошадей вместо отогнанных лезгинами»...⁹⁸

Но джарцы не выполняли требований и отделялись молчанием. П.Д. Цицианов упрекал их в том, что они, забыв клятву, «с повержением камней из рук присягавших (народный обычай горцев, употребляемый при давании клятвы – А.З.), не платят дани, утвержденной ими самими «клятвенными обещаниями перед святым Кораном.»⁹⁹ Он призывал их опомниться, не верить дагестанцам, которые губят их из собственной корысти. Он требовал от джарцев присылки достойнейших старшин с извинениями, перемены аманатов по его назначению и доставки 110 пудов

шелку, следующего в дань. В случае невыполнения этих требований, Цицианов обещался прийти с огнем и мечом.

Джарцы не исполнили и этого последнего требования. Они ссылались на то, что бедны, не имеют шелку и поэтому не могут заплатить дань. Тогда главнокомандующий потребовал от них вместо шелку 11000руб., недоставление которых влекло за собой наказание.¹⁰⁰

Сколько не угрожал П.Д. Цицианов в посланиях к джарцам и белоканцам, его послания оставались без ответа, дань не вносилась и лезгины, по-прежнему, вторгались и делали набеги в Грузию.

21 октября лезгины в количестве до 10000 чел, под предводительством Сурхай-хана Казикумухского и аварского старшины Алисканда (в послужных списках донских офицеров он обозначен как Алесхант – А.3.) переправились через Алазань у деревни Могало. 22 октября, в 3 часа ночи, они напали крупными массами на лагерь отряда генерал-майора В.С. Гулякова, находившийся у урочища Пейкаро. Отряд этот состоял из Кабардинского полка, гренадерского батальона Тифлисского мушкетерского полка и казаков под руководством В.И. Ефремова 3-го. Предупрежденный казачьими пикетами о движении неприятеля, генерал-майор Гуляков едва успел построить войска в боевой порядок, как лезгины с криком бросилась со всех сторон на русское каре. Открыв артиллерийский огонь, каре стояло, не трогаясь с места. После часовой перестрелки лезгины стали отступать. Темнота ночи не позволяла их преследовать. С наступлением рассвета Гуляков разделил свой отряд на две части: один батальон Кабардинского мушкетерского полка и 200 человек стрелков отправил под командованием майора Себастиани, а с остальными пошел сам, послав вперед пехоты казаков, которые вскоре атаковали отходивших к Алазани горцев. Затем подошла пехота и началось избиение лезгин, которые пытались спастись бегством, спешили

переправиться скорее и где попало через реку, в которой вода от проливных дождей значительно поднялась, отчего они стали тонуть на глазах у казаков и пехоты. Горцы потеряли убитыми в этом бою 325 человек, русские - убитыми и ранеными только 11 человек.¹⁰¹ Войсковой старшина В.И. Ефремов 3-й "за оказанную здесь отличность Всемиловейше награжден кавалерским крестом св. Анны 3-го класса.»¹⁰²

Получив сведения о том, что в рядах лезгин были войска аварского хана, считавшегося подданным России, князь П.Д. Цицианов приказал прекратить выдачу ему жалованья до тех пор, пока он не выдаст Аликсанда (Алесханта). Аварский Ахмед-хан отказался выдать его, отговариваясь тем, что он уже давно не его подданный и не повинуется ему, клялся, что сам он предан России, и требовал, чтобы причитающееся ему жалованье не было задерживаемо. Но Цицианов твердо держал свою линию, не идя ни на какие компромиссы.

Вместо того, чтобы жалованьем и подарками привлекать к себе ханов и таким образом платить некоторый род дани со стороны России за мнимое их подданство, П.Д. Цицианов поставил во главу своей деятельности на Кавказе силу и твердость. Этот крутой поворот от подкупа деньгами, проводимого К.Ф. Кноррингом 2-м, к действию оружием и серьезными требованиями изменил и само отношение горцев к русской администрации: они почувствовали на себе железную руку Цицианова.

Решивши ряд вопросов с лезгинами, он теперь вернулся к вопросу о Гандже и в конце ноября выступил в поход, а 3 января 1804 г. взял город после упорного сопротивления. В бою был убит и Джевад-хан. Сама Ганджа была присоединена к России и переименована в Елисаветполь. При этом главнокомандующий объявил, что кто через месяц после переименования в договоре или письменном акте назовет покоренный

город Ганджею, а не Елисаветполем, с того взыскивать по рублю штрафа.¹⁰³

Однако, в это же самое время, пока П.Д. Цицианов брал Ганджу, лезгины опять начинают свои набеги через Алазань. Весьма частое несоблюдение джаро-белоканскими вольными обществами статей заключенного с ними договора заставили главнокомандующего обратить на них серьезное внимание. Обязавшись не пропускать дагестанских лезгин в Грузию, джаро-белоканцы не только не исполняли своего обещания, но, напротив, пригласили их на зимование в своей земле и вместе с ними совершали набеги на русскую границу. К тому же джарцы и не думали об уплате установленной для них дани.

Признавая необходимым, в пример другим, заставить их уважать заключенный с ними договор и обеспечить Грузию от бесконечных разорений, Цицианов, находясь еще под Ганджой, поручил шефу Кабардинского мушкетерского полка генерал-майору В.С. Гулякову переправиться через Алазань и покарать джарцев среди их селений. Цицианов затем докладывал царю: «Генерал-майор Гуляков, известясь минувшего 1803 года декабря 30-го дня через кизихского жителя грузина Джали, что Сурхай-хан Хамбутагский (он же Казикумухский – А.З.) владелец с своими войсками тысячах в шести и присоединенных к нему других разных народов, переправился на правый берег реки Алазани, против лезгинской деревни Байматлю (у Н.Ф. Дубровина дается два названия: Байматло и Баймалело),¹⁰⁴ ниже лагеря, верстах в сорока, выступил 31-го того же месяца с 10-ю ротами Кабардинского, гренадерским батальоном Тифлисского, 2-мя ротами 15-го Егерского полков, артиллерии с 5-ю орудиями, и казачьих донских Ефремова 3-го, Тарасова 2-го и Щедрова 2-го же полков командами.»¹⁰⁵

Русские войска подошли к противнику 1 января 1804 г. Посланный казачий разъезд во главе с войсковым старшиной Ефремовым 3-м обнаружил, что неприятель располагается на крепкой позиции, прикрытой с флангов топкими болотами.¹⁰⁶ Результаты рекогносцировки показали, что «среди расположения горцев, находились чрезвычайные чащи леса и терновые кустарники, кои отнимали всякую возможность провести орудия, можно было только действовать хорошими стрелками.»¹⁰⁷

В связи с полученными данными, генерал-майор Гуляков отобрал для атаки позиции 240 человек лучших стрелков Кабардинского полка, 80 человек Тифлисского, роту 15-го егерского и войскового старшину Ефремова 3-го с казаками, назначив над всеми старшим подполковника Г.Е. Эристова.¹⁰⁸ Встреченный жестоким огнем и видя, что стрельбою нет возможности выгнать неприятеля, засевшего в кустах, Эристов приказал примкнуть штыки и три раза ходил в атаку. Казаки поддерживали их своим натиском, коля горцев пиками. Артиллерия действовала через болото и весьма успешно. Каждый раз горцы отступали и, отбежав некоторое расстояние, снова укрывались в чаще леса, и русская пехота снова должна была их выбивать штыками, пока их не прогнали за Алазань, при переправе через которую много горцев утонуло.¹⁰⁹

Одновременно с разгромом лезгин Сурхай-хана Хамбутаевского замечена была лезгинская конница численностью до 3000 чел., спускавшаяся с горы, с правой стороны в долину. Против этой партии горцев пошел сам генерал-майор Гуляков с остальным отрядом. Казаки, участвовавшие в первом бою, прискакав к месту переправы горцев, вынуждены были принять участие и во втором. В.С. Гуляков не дал им переправиться и разогнал. Во время их бегства донскими казаками было убито 22 человека.¹¹⁰

Жестокое сражение длилось более 5 часов. Горцев было убито до 500 человек, среди которых были и видные старшины. В плен было взято 6 лезгин.¹¹¹ Русские потеряли убитыми 1 офицера и 17 рядовых и ранено 2 офицера и 69 человек нижних чинов. Ни один казак не был убит или ранен, а досталось лошадям: 2 было убито и 5 ранено в полку Ефремова 3-го.¹¹² Среди прочих рекомендованных к награждению офицеров и нижних чинов из казаков числились: «Войска Донского полкового командира войскового старшину Ефремова 3-го, есаула Ефремова же, хорунжего Кутейникова и урядника Ефремова...»¹¹³

Только что отраженное нападение требовало возмездия и в ночь с 9 на 10 января генерал-майор Гуляков переправился через мост у Александровского редута, и 13-го числа, в полдень, двинулся по направлению к селению Джарам. Между Джарами и деревнею Талы, когда отряд двигался по открытому месту, он был атакован толпой лезгин, состоящей из нескольких тысяч человек. Горцы открыли сильный огонь, но ответный огонь с русской стороны опрокинул неприятеля, «который, спасаясь бегством, оставил более 100 человек убитых на месте. В сем же деле с нашей стороны было несколько легко раненых...»¹¹⁴ В этих боях участвовал и В.И. Ефремов 3-й со своими казаками, о чем мы узнаем из его послужного списка, где сказано: «Января с 9-го, пройдя многие деревни Чарской (Джарской - А.З.) области для наказания лезгин, отпавших от повиновения российскому престолу, с коими 13-го при деревни Талах в таком же сражении»...¹¹⁵

Но кого было наказывать в этих деревнях - неизвестно, т.к. «следствием сих побед было завладение городом Чар, которые, равно как и прочие селения, жителями оставлены»¹¹⁶. Уже в эти начальные годы Кавказской войны горцы вырабатывают тактику борьбы с экспедициями русских войск, по которой, как только им становилось известно о

готовящейся акции со стороны русского командования, они немедленно эвакуировали все население своих селений в хорошо защищенные и глухие места, а сами, объединяясь в отряды, ожидали прихода русских в засадах. И так они действовали до самого конца войны. Это же мы видим и в данном случае: войска пришли, взяли без боя Джары и другие селения области, но они оказались пусты, а сами войска через день попадут в засаду. А формально все казалось даже очень триумфальным, и мало того, ввело в заблуждение даже самого П.Д. Цицианова, который 14 января 1804 г. писал В.С. Гулякову: «узнал я о новой вашей победе и столько часто имел удовольствие отдавать справедливость вашим высоким военным достоинствам, что мне не остается иного вам сказать, как то, что вашему превосходительству суждено, как видно, увековечить славу российского оружия в сей новоприобретенной земле, а мне соучаствовать в радости о том. По слухам, что Ваше Превосходительство вступили в Джары, желаю, чтобы сим делом увенчали вы славную кампанию вашу, продолжавшуюся через целый год, чего ни в каком войске не слыхано».¹¹⁷

Такое приподнятое настроение в русских войсках привело к тому, что была притуплена бдительность. Занятие без боя Джар, паническое бегство жителей при приближении наших войск, увлекли генерал-майора В.С. Гулякова, привыкшего к победам. Он решил преследовать лезгин в самых неприступных их ущельях, служивших им убежищем. 15 января он двинулся Закатальским (Закертальским) ущельем, идущим выше селения Джары. В некоторых источниках оно называется "улицею, называемой Закатало".¹¹⁸ Очевидно, по всей площади ущелья были построены дома, которые также при приближении русских были покинуты жителями. Отряд следовал в таком порядке: впереди шли конные и пешие грузины, за ними казаки полка Ефремова 3-го, потом 140 стрелков 15-го Егерского полка с одним орудием, где находился и сам генерал-майор Гуляков, за которым

следовала колонна, составленная из Кабардинского и Тифлисского батальонов, и, наконец, в арьергарде шел 15-й Егерский полк.¹¹⁹

Лишь только войска вступили внутрь каменных оград, как лезгины, до этого момента скрывавшиеся за камнями, открыли сильный огонь и началось сражение. «С левой стороны большая толпа неприятеля бросилась к пушке, и при первых выстрелах убит был генерал-майор Гуляков... Грузины и казаки, бывшие впереди, бросились назад, прямо на колонны, смешали их и вблизи находившуюся крутую стремнину много из наших опрокинули...»¹²⁰ Порядок в войсках был нарушен; они смешались, начали отступать. В числе упавших в стремнину были генерал-майоры: князь Д.З. Орбелиани и А.А. Леонтьев, а также прикомандированный к Кавказским войскам из Л-гв. Преображенского полка поручик граф М.С. Воронцов. Из письма последнего к П.Д. Цицианову мы можем судить и о причинах поражения: «Он (Гуляков - А.З.), по обыкновению своему, опередил всех и шел вперед, не открыв места, без фланкеров и без всего. Одни грузины были еще дальше впереди, и это была главная его ошибка, ибо лезгины только что бросились с саблями на грузин, они все побежали назад и кинулись на нас; место не позволяло никак выстроиться, так что и нас сначала было опрокинули. Василия Семеновича убили у первого орудия, я возле него был, и со мною то же бы случилось, если бы бежавшая грузинская толпа, вместе с неприятелем, не столкнула с прекрутого яра, откуда я летел и разбился бы до смерти, ежели бы не случилось упасть на других, которые уже прежде меня тою же толпою были столкнуты...»¹²¹ Т.е. наша догадка о потере В.С. Гуляковом бдительности оказалась справедливой, ибо он не выставил даже фланкеров, которые должны были разведать местность, шел "без всего". Это и привело к таким печальным последствиям. Потери русских убитыми и ранеными составили до 300 чел. и много офицеров.¹²²

Генерал-майор князь Д.З. Орбелиани, оставшись старшим после Гулякова, привял командование отрядом, устроил войска, и не зная в точности замысла погибшего Гулякова, но, видя себя окруженным лесами, садами, буераками, домами и каменными оградами, начал отступать. Сражение, при отступлении, продолжалось 8 часов самым упорным образом. Солдаты бросались в штыки всякий раз, как только лезгины подступали близко к русским колоннам. Отряд отступил, не оставив ничего в добычу неприятелю. Урон горцев, по показаниям их старшин, простирался до 1000 чел.¹²³

Несмотря на невыгодное положение русских и на то, что они впервые отступили перед джарцами, сражение было так упорно и потеря лезгин так велика, что через несколько дней многие селения прислали депутатов к Д.З. Орбелиани, прося пощады. 17 января отряд отступил от Джар к деревне Мухрах, где простояв два дня, сжег самую деревню. Здесь прибыли к Орбелиани лезгинские старшины от деревень Тал, Мухрах, Чардах и Джиних с выражением "покорности". Здесь же он получил и письмо от Сурхай-хана Казикумухского, в котором тот объявлял, что будет воевать с русскими до конца, пока они будут находится в Джаро-Белоканском округе, а если хотят тишины на границе, то должны уйти на ту сторону Алазани.¹²⁴ Во всяком случае это свое обещание он сдержал и был самым непримиримым врагом России на протяжении долгих лет. Мало того, послужные списки донских офицеров полка Ефремова 3-го и самого Василия Ивановича гласят, что виновником гибели генерала В.С. Гулякова и автором засады, в которую попали русские войска в Закаталах был тот же Сурхай-хан-Казикумухский. Вот как об атом оказано: "15-го числа в городе Чарах (Джарах – А.З.), и в ущельи Кавказских гор против того же Сурхай-хана Хамбутайского (Казикумухского – А.З.) владельца с его войсками и аварского старшины Алесханта с таковыми же в лесной

экспедиции – в действительном сражении находился."¹²⁵ Здесь возникает вопрос: почему эта экспедиция называется "лесной", т.к. хотя войска и были окружены лесами, садами, буераками, но на пути непосредственного движения войск находились ущелье, дома и каменные ограды. Ее целесообразней, в связи о этом, назвать "каменной" или "ущельной"?!! После того, как выяснилось, что не только грузины, но и донские казаки имели определенную долю вины в том, что случилась эта трагедия, вернулись к выяснению причин отгона табуна коней казачьего полка Ефремова 3-го, случившегося еще 9 июля 1803 г. Разбирательство этого дела началось еще в ноябре 1803 г., когда П.Д. Цицианов приказал написать рапорты о происшедшем событии каждому из участвовавших в нем офицеров. Наибольший интерес среди этих рапортов представляет рапорт подполковника Севастопольского батальона Астафьева от 19 ноября 1803 г., который был написан уже во Владикавказе, когда полк был выведен из Грузии, но разбирательство, затеянное Цициановым, заставило вспомнить этого пехотного начальника некоторые подробности боя с лезгинами, которых нет в других рапортах. Вот что он пишет: "Севастопольского батальона впереди лагеря поставлен был полевой бекет, а подле него самого ходил табун, имеющий прикрытие от пехоты. Казачий же табун был подле него самого, в котором было двадцать человек казаков, а сверх того десять казаков стояло на бекете. Когда хищники выскочили из балки, то стоящие на бекетах около табуна казачьего десять казаков сделали по ним выстрел. Севастопольского же батальона полевой бекет, слыша выстрелы и видя хищников, скачущих к табуну, не бросился против них, а равно и находящаяся в Севастопольском табуне команда... не делала ни одного выстрела по хищникам. В лагере же Севастопольского батальона закричали "к ружью", и нижние чины, выбегая из палаток, взяв ружья, хотели было бежать к табуну, кто только успел, но их остановили и

стали строить фронт и поверять людей, а тем самым и дали время хищникам ранить нескольких казаков, поворотить табун в степь и отогнать его. Хищники же, видя, что Севастопольский батальон по ним не стреляет, и даже передовой бекет, они вскакали в табун, и когда вели в оном с казаками перепалку, то и тогда никто из Севастопольского батальона по ним не стрелял, и что Севастопольский табун ходил вместе с казачьим, тому служит доказательством, что и из их табуна отогнано семь лошадей...»¹²⁶ Из приведенного отрывка донесения мы видим, что казаки не являлись виновниками потери своих коней, т.к. система защиты табунов была рассчитана на взаимодействии караулов и пикетов: казаки защищали свой табун как могли, отстреливаясь от горцев даже внутри табуна. Мало того, мы видим также попытку рядовых Севастопольского полка оказать помощь казакам, но она была остановлена офицерами полка, затеявшими перекличку людей вместо оказания помощи казакам. По этим статьям затем и было затеяно судебное разбирательство, в котором казаки были обелены, а к суду привлечены офицеры как раз Севастопольского полка.

Мало того, сам подполковник Астафьев писал в своем донесении, что есаул Ефремов с казаками погнался за горцами, отбившими косяк лошадей от табуна,¹²⁷ т.е. казаки не оставляли мысли отбить у горцев своих коней обратно!

Из рапорта подполковника Астафьева явствует и еще один пункт обвинения против пехоты: это то, что они у жителей соседних аулов отбили скот, что было запрещено делать, чтобы не возбуждать лезгин против русских. Астафьев пишет: «...что же касается до отогнания баранов, то я сего делать не приказывал, а видя, что есаул Ефремов, гнавшись с казаками за хищниками, вел с ними сильную перепалку, то я господину капитану Нипопалову приказал бежать к табуну для того, что может быть пехота подоспеет на помощь казакам, но как он, напуган

Нипопалов в следовании за табуном видел, что тот табун гонят через аулы, то почел за нужное узнать - кому те аулы принадлежат, а в тоже время увидел, что из тех аулов выехало много людей и помогали хищникам прогонять табун далее; то он из сего заключил, что жители тех аулов должны знать хищников, отогнавших табун, а потому и взял баранов, полагая, что чрез то тех аулов жители откроют точно: кто были именно те хищники...»¹²⁸ Примерно такие же объяснения были получены и от капитана Нипопалова и ряда других офицеров.

Вынес свою резолюцию П.Д. Цицианов уже находясь во взятой им крепости Гандже. 10 января 1804 г. он писал царю: "Об отгоне табуна казачьего полку Ефремова 3-го не донесено было, по неясности рапортов ко мне подполковника Астафьева, чему нужны были подтверждения и потому, что я о последнем приключении, яко случившемся под глазами сказанного подполковника, от крепости не более четырех сот сажень, требовал от него объяснения: почему не приняты были при выпуске лошадей на корм надлежащие предосторожности."¹²⁹ По этому донесению Цицианова выходило, что казачьих лошадей было угнано 205,¹³⁰ а не 211, как сообщалось в ранее цитированных документах, ну а если принять во внимание, что 7 из них были Севастопольского полка, как явствует из рапорта подполковника Астафьева, то получается, что общее количество лошадей было уже 212!!! Имеет ли цену еще одна выявленная лошадь - сказать трудно, но из цитированной переписки становится ясным, что донцы в потере своих коней не виновны: они сделали все, что предусмотрено было на то время воинскими уставами в аналогичных ситуациях. К этому же выводу и пришло судебное разбирательство, поэтому наказаны были не они, а капитан Нипопалов и подполковник Астафьев. Вся эта работа была проведена до донца января 1804 г,

Параллельно шло и дальнейшее выяснение отношений с джаробелоканцами. Воспользовавшись прибытием и нему депутатов от селений, Д.З.Орбелиани им заявил, что если они не подчиняться воле русского командования, то должны будут навеки расстаться со своей землей и отпустил их с этим объявлением назад. Оставив при себе 4-х аманатов, он 21 января прибыл к Подарской переправе, отправив на русскую сторону больных и раненых, а со всеми силами отряда отошел к урочищу Пейкаро. Здесь снова к Орбелиани 30 января прибыли поверенные от селений Джарской области, прося пощады, а 31-го явились трое лезгинских

старшин селения Белокан с тем же. Далее шли до февраля препирательства по поводу условий, но Цицианов и Орбелиани стояли на своем. Князь Орбелиани, оставив у себя по одному депутату от каждого селения, всех прочих направил в их места проживания с требованием, чтобы джарцы вновь присягнули на подданство и немедленно собрали дань за 1803 г. шелком или деньгами.

11 февраля прибыло в русский лагерь 23 человека старшин, которым вновь было подтверждено требование доставить через четыре дня прошлогоднюю дань и отогнанных в полку Ефремова 3-го 211 казачьих лошадей. Старшины обещали все выполнить, но только просили дать им десять дней. Согласившись на это, Д.З. Орбелиани в то же время получил приказание П.Д. Цицианова, в случае невыполнения требований, двинуться на Джары и во время движения вырубить лес от Александровского редута до Катех, по обеим сторонам дороги на 600м., для чего и взять из Кизиха 1000 чел. грузин с топорами.¹³¹ Доставив в счет дани некоторую сумму денег, джарские старшины обещали остальную часть прислать в скорости и тем остановили на некоторое время движение русских войск в их селения. Видя, что джаро-белоканцы покорились русской администрации, и сопротивление их не привело ни к чему кроме разорения, Алисканд (Алесхант), второй руководитель джарцев в бою в Закатальском ущелье, закончившемся гибелью генерала В.С. Гулякова, также обратился к князю П.Д. Цицианову с просьбой о прощении. Главнокомандующий предложил ему отправиться в Аварию к старшему в роду Ахмед-хану Аварскому, чтобы он вынес по этому поводу решение.¹³² Это было уже 2 апреля 1804 г., а 3 апреля 1804 г. в Тифлис прибыли депутаты от всех лезгинских обществ Джаро-Белоканского союза и владений Элисуйского султана и с ними, наконец, 17 апреля было заключено соглашение, по которому они обязывались ежегодно платить

ранее установленную дань в 220 пудов шелку, составлявшего основную отрасль их промышленности, и обещались теперь не выходить из подданства России.¹³³

Во всяком случае удары русских войск по лезгинам в 1801 -1804 гг., пытавшимся проникнуть в Грузию с двух направлений: через Алазань и со стороны Ахалциха, привели к временному затишью на грузино-лезгинской границе. Вместе со всеми войсками в этих операциях приняли деятельное участие и три донских казачьих полка, составлявших почти весь этот период русскую конницу в Грузии: Щедрова 2-го, Тарасова 2-го и Ефремова 3-го. Нарвский драгунский полк прибыл сюда уже позже. Поэтому вся трудность аванпостной пограничной службы легла на них. Дислоцировались они на важнейших стратегических направлениях, прикрывая геополитические интересы России, которые пока подвергались посягательствам со стороны лезгин на довольно узких участках границы: полк Ефремова 3-го с небольшими вкраплениями из полков Тарасова 2-го и Щедрова 2-го находился на границе с Джаро-Белоканским обществом лезгин и Элисуйским султанатом, который тоже в конце 1803 г. стал наносить удары по Грузии; пока этих казаков вместе с пехотой и артиллерией здесь хватало и они надежно прикрывали данное направление; полк Щедрова 2-го находится в Карталинии и прикрывал границу со стороны Ахалциха, что тоже пока ограничивалось узкой полоской границы и было донцам пока под силу. А полк Тарасова 2-го дислоцировался основными силами в Тифлисе для защиты столицы Восточной Грузии. Хватало их, правда, до начала русско-персидской войны 1804-1813 гг., что вызвало и расширение зоны атак горцев по Грузии и необходимость присылки новых казачьих частей с Дона, т.к. горцы на то время стали уже второстепенным противником: основные силы и всех русских войск на Кавказе и донских казаков теперь были направлены

на персиян. Однако горцы в этот период никогда не упускали возможности о себе напомнить и часть сил приходилось держать и против них.

Примечания

1. Цит. по: Окунь С.Б. История СССР. ч.1. (конец XVIII - начало XIX века). Изд. ЛГУ, Ленинград, 1974 - с. 152.
2. Там же - с. 153.
3. Там же.
4. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. // История СССР, 1991, №6 - с. 77.
5. Цит. по: Окунь С.Б. История СССР. ч.1. (конец XVIII - начало XIX века). Изд. ЛГУ, Ленинград, 1974 - с. 153.
6. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. // История СССР, 1991, №6 - с. 79.
7. Окунь С.Б. Указ. соч. ч.1. - с. 155.
8. Кавказско - персидская война в царствование императора Александра 1. (1801 - 1852 гг.). // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Составлено генерал - майорами: Дубровиным, Куропаткиным и Гудим - Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским. Под общемою редакциею генерал - лейтенанта Леера. ч. II, СПб, 1886 - с. 325.
9. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. // История СССР, 1991, №6 - с. 81.
10. Захаревич А.В. Донские казаки в первые годы Кавказской войны (1801 -

- 1802 гг.). // Исторические этюды. Вып. 2. Ростов-н/Д, 1997 - с. 57.
11. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. т. III. СПб, 1886 - с. 387, 507.
 12. Там же - с. 327-328.
 13. Там же - с. 387.
 14. Там же.
 15. Захаревич А.В. Указ. соч. // Исторические этюды. Вып. 2. - с.58.
 16. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. // т. III. - с. 388.
 17. Захаревич А.В. Указ. соч. // Исторические этюды. Вып. 2, 1997 - с.58.
 18. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. // т. III. - с. 406.
 19. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.109, лл. 124об. - 129.
 20. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.100, лл. 125об. - 132.
 21. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.97, лл. 120об. - 121.
 22. Захаревич А.В. Указ. соч. // Исторические этюды. Вып. 2, 1997 - с.59.
 23. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.109, лл. 101об. - 108.
 24. Там же - лл. 101об. - 108.
 25. Захаревич А.В. Указ. соч. // Исторические этюды. Вып. 2, 1997 - с.59.
 26. Там же - с.59.
 27. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. // т. III. - с. 408.
 28. Там же - с.408.
 29. Там же.
 30. Там же - с.409.
 31. Захаревич А.В. Указ. соч. // Исторические этюды. Вып. 2, 1997 - с.59.
 32. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.109, лл. 124об. - 129.
 33. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.109, лл. 101об. - 108.
 34. Там же - лл. 124об. - 129.
 35. Захаревич А.В. Указ. соч. // Исторические этюды. Вып. 2, 1997 - с.60.
 36. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. // т. III. - с. 437.

37. Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. // История СССР, 1991, №6 - с. 74-75.
38. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.109, лл. 124об. - 129.
39. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.109, лл. 101об. - 108.
40. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.81, лл. 111об. - 112.
41. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.101, лл. 44об. - 45.
42. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.98, лл. 39об. - 40.
43. Там же - лл. 39об. - 40.
44. Потто В.А. Кавказская война. т.1 Ставрополь, 1994 - с.300.
45. Там же - с.301.
46. Кавказско - персидская война в царствование императора Александра 1. (1801 - 1852 гг.). //Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Составлено генерал - майорами: Дубровиным, Куропаткиным и Гудим - Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским. Под общию редакциею генерал - лейтенанта Леера. ч. II, СПб, 1886 - с. 325.
47. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV; СПб, 1886 - с.1.
48. Там же - с.73.
49. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.74-75.
50. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.84, лл. 68об. - 69.
51. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV; СПб, 1886 - с.75.
52. Зубов П.П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т.1, ч. 1., СПб. 1835 - с. 53.
53. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.75.
54. Там же - с.75.
55. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 30об.
56. Там же - 30об. - 31.

57. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 31; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.76.
58. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.76.
59. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 31-31об; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.76.
60. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 31об.-32; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.76.
61. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.98, лл. 39об. - 40.
62. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.97, лл. 61об. - 74; Там же - лл. 147об. - 148.
63. Кавказско - персидская война в царствование императора Александра 1. (1801 - 1852 гг.). //Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Составлено генерал - майорами: Дубровиным, Куропаткиным и Гудим - Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским. Под общемо редакциею генерал - лейтенанта Леера. ч II, СПб, 1886 - с. 326.
64. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.76.
65. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 38-38об.
66. Там же - л.33.
67. Кавказско - персидская война в царствование императора Александра 1. (1801 - 1852 гг.). //Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Составлено генерал - майорами: Дубровиным, Куропаткиным и Гудим - Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским. Под общемо редакциею генерал - лейтенанта Леера. ч. II, СПб, 1886 - с. 326.
68. Потто В.А. Кавказская война. т.1 Ставрополь, 1994 - с.334.
69. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 38об; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.77.
70. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 39.

71. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.77.
72. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 39.
73. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.78.
74. Потто В.А. Кавказская война. т.1 Ставрополь, 1994 - с.334.
75. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 40; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.78.
76. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 41об. - 42.
77. Там же - лл. 42-42об. - 43.
78. Потто В.А. Кавказская война. т.1 Ставрополь, 1994 - с.334.
79. Там же - с. 334-335.
80. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.78.
81. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 44об. - 45.
82. Кавказско - персидская война в царствование императора Александра 1. (1801 - 1852 гг.). //Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Составлено генерал - майорами: Дубровиным, Куропаткиным и Гудим - Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским. Под общему редакциею генерал - лейтенанта Леера. ч. II, СПб, 1886 - с. 327.
83. Там же - с. 327.
84. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.82.
85. Там же - с. 80.
86. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.97, лл. 81об. - 84; Там же - лл. 147об. - 148.
87. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.84, лл. 68об. - 69.
88. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.98, лл. 39об. - 40.
89. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.101, лл. 44об. - 45.
90. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.81-82.
91. Там же - с. 125-127.
92. Там же - с. 128-129.

93. Там же - с. 129-130.
94. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 52-52об; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.131.
95. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 52об. - 53.
96. Там же - лл. 53-53об.
97. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.131.
98. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 53об.
99. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. IV - с.132.
100. Там же - с. 132.
101. Там же - с. 133-134.
102. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.97, лл. 81об. - 84; Там же - лл. 147об. - 148.
103. Кавказско - персидская война в царствование императора Александра 1. (1801 - 1852 гг.). //Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Пособие для изучения военной истории в военных училищах. Составлено генерал - майорами: Дубровиным, Куропаткиным и Гудим - Левковичем, полковниками Сухотиным и Пузыревским. Под общесою редакциею генерал - лейтенанта Леера. ч II, СПб, 1886 - с. 334.
104. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.392.
105. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 108об.
106. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 108об.; Потто В.А. Кавказская война. т.1 Ставрополь, 1994 - с.340.
107. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 108об. -109.
108. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.392-393.
109. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 109-109об.
110. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 109об; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.393.
111. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 109об.
112. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, лл. 109об-110; Дубровин Н.Ф. Указ. соч.

т. IV - с.393.

113. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 110об.

114. Там же - л. 110об. -111.

115. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.97, лл. 81об. - 84; Там же - лл. 147об. - 148.

116. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 111.

117. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. IV - с.393-394.

118. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 111.

119. Там же - л. 111.

120. Там же - л. 111об.

121. Цит. по: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. IV - с.395.

122. Там же - с. 395.

123. Там же - с. 396.

124. Там же - с. 397.

125. ГАРО, ф. 344, оп.1, д.97, лл. 81об. - 84; Там же - лл. 147об. - 148.

126. РГВИА ф. ВУА, д. 6166, ч.1, л. 22об. -23.

127. Там же - л. 23.

128. Там же - л. 23-23об.

129. Там же - л. 17об.

130. Там же - л. 19.

131. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. т. IV - с.397-400.

132. Там же - л. 400-401.

133. Зубов П.П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т.1, ч. 1-я, СПб, 1835 - с. 61-62.